

Глава 12. Любовный плен, не знающий законов света

В Зале Резонирующей Гармонии челядь давно усвоила новое правило государя: стоило на пороге показаться бакалавру-чтецу господину Фу, как все слуги обязаны были удалиться за двери дворца или даже скрыться в боковых покоях. Лишь евнуху Ван Юаньчэню, доверенному распорядителю, позволялось нести службу неподалёку, в крытой галерее.

Как только командир Хун Жуцзинь покинул залу, Чун И тут же прижал к себе Фу Исяня, не давая сделать и шага назад. Тот пытался уклониться, но тщетно — пришлось покориться этим жарким объятиям. На душе у молодого императора было светло и радостно; ведя неторопливый разговор, они мало-помалу коснулись личности коменданта Девяти ворот Ван Цзэна.

— Хун Жуцзинь труслив и дорожит своей шкурой, — заговорил Чун И. — К тому же он худородного происхождения, а потому предел его мечтаний — высокие посты да богатое жалованье. Другое дело Ван Цзэн. Личиной этот человек благообразен, но под ней таятся коварство и бездонная пучина умыслов. Чтобы избавиться от него, нам придётся выждать удобный случай, поймать на ошибке и забрать его жизнь. Но стоит Хун Жуцзиню выйти отсюда, как весть об императорском подарке — луке Полной Луны — разнесётся по всему городу. И дядя Чун Яньцзи, и комендант Ван Цзэн сразу насторожатся.

Фу Исянь покачал головой.

— Все люди в Поднебесной суеются ради славы и выгоды. Чиновники в большинстве своём жаждут лишь чинов, наград да пышного довольства. Ван Цзэн не святой старец, земные страсти ему не чужды. Вот только в отличие от Хун Жуцзиня богатство он ищет на краю бездны, в опасных играх. Простые милости государя его не прельстят.

Чун И кивнул:

— Верно. Он спит и видит, как возведёт на трон моего дядину, принца Чжуана. За это предательство я лично сниму с него голову!

Заметив, что Исянь погрузился в раздумья, император испугался, что расстроил возлюбленного кровожадными речами. Он теснее прижался грудью к его спине и тихо прошептал на ухо:

— Сяошань, видит небо, мне не в радость проливать кровь. Но у меня нет выбора. Покойный отец доверил мне эти земли, и я обязан их удержать. Со стороны кажется, будто императорская доля — сплошное празднество и нега. Откуда простым смертным знать, какую тяжкую ношу мне приходится нести день за днём?

Слыша горечь в его голосе, Исянь поспешил успокоить государя:

— Ваше Величество, я думал вовсе не о казнях. Мне пришло в голову, что пускай комендант Ван долгие годы верно служит принцу Чжуану, он вовсе не безгрешен. Всякий, кто привык плести интриги и скрывать свои помыслы, неизбежно становится подозрительным.

Договорить они не успели: в дверном проёме показалась встревоженная фигура Ван Юаньчэня. Евнух мерил шагами порог и время от времени боязливо заглядывал внутрь залы. Заметив его, Исянь тотчас выскользнул из объятий монарха, отступил на несколько шагов и торопливо оправил подол халата. Чун И со вздохом отпустил его — он знал, что на людях Исянь ни за что не позволит себе лишнего жеста.

— Что там стряслось? — недовольно окликнул слугу правитель, заставив того поспешно войти.
— Мельтешишь перед глазами, точно мышь испуганная!

Исянь слегка нахмурился. Он не раз наставлял Чун И быть милосерднее с челядью. Ван Юаньчэнь хоть и был простым евнухом-распорядителем, но служил преданно и усердно, а главное — не опускался до клеветы и лести ради собственной выгоды. Однако стоило императору вспылить, как в ход понуро шли брань и розги. «Нужно будет при случае снова поговорить с ним об этом», — мысленно вздохнул Исянь.

Между тем испуганный слуга поспешил доложить:

— Ваше Величество, сегодня с самого утра принц Чжуан пребывает во Дворце Вечного Покоя.

— Вот как? — удивился Чун И. — И что забыл мой многоуважаемый дядя у вдовствующей императрицы?

— Обсуждают ваше грядущее бракосочетание, государь! Матушка-императрица уже несколько раз присылала слуг. Просит вас немедленно пожаловать в её покои для беседы.

Услышав слово «бракосочетание», Исянь почувствовал, как мир вокруг покачнулся, а перед глазами сгустилась тьма. Лишь врождённая сдержанность помогла ему устоять на ногах и не выдать бури в душе, хотя грудь сдавило ледяным обручем так, что стало трудно дышать.

Чун И поднялся, собираясь идти за слугой во Дворец Вечного Покоя, но, обернувшись, замер. Исянь стоял бледный как полотно, с пустым взглядом. Сердце императора сжалось от боли — он мгновенно понял, что творится в душе возлюбленного. Он хотел сказать что-то, утешить, оправдаться, но лишь беззвучно шевельнул губами. В этот миг оба они безмолвно застыли друг напротив друга. Известие обрушилось на Исяня внезапно, погрузив его разум в глухой сумрак, где не было ни звуков, ни света.

Тишину нарушил тихий, робкий голос евнуха Ван Юаньчэня, окликнувшего государя от дверей. Этот звук вырвал Исяня из оцепенения. Поняв, что выдал себя, и поймав на себе полный отчаяния взгляд Чун И, он сгорел от стыда и тоски. Быстро поклонившись, бакалавр даже не стал дожидаться дозволения уйти и поспешно покинул Зал Резонирующей Гармонии.

Декабрь третьего года Юйчэн. Усадьба великого генерала на улице Делюн

После того как старый генерал Фу Юаньтай покинул столицу, уведя с собой две тысячи всадников из Лагеря Доблестной Кавалерии, в некогда оживлённой усадьбе воцарилась глухая тишина. Исянь, всегда тяготившийся суетой и шумом, распустил большую часть прислуги, оставив при себе лишь нескольких верных, проверенных временем слуг.

А сегодня утром из дворца пришла весть, окончательно разбившая его покой: день императорской свадьбы назначен на третий день грядущей весны. Будущей хозяйкой Поднебесной суждено было стать старшей дочери начальника гвардии Жуй Жуна.

К ночи затяжная метель утихла, явив взору чистое звёздное небо с сияющим диском полнолуния. На душе у Исяня было беспокойно. Чтобы хоть немного унять тоску, он велел согреть крепкого вина и устроился в уединённой беседке восточного сада, среди цветущих слив мэйхуа.

Слуги поочередно несли ночной дозор, и сегодня черёд выпал старому управляющему. Обходя парадный двор, он услышал негромкий, настойчивый стук в ворота. Отворив створку, старик опешил: перед ним стоял сам начальник Департамента Императорского двора Ван Юаньчэнь, а за его спиной высилась фигура молодого господина в роскошном дорожном плаще. Лица незнакомца под глубоким капюшоном было не разглядеть.

— Этот благородный господин — близкий друг бакалавра Фу, — вкрадчиво прошептал евнух. — Мы прибыли тайно, дабы побеседовать о былых временах.

Управляющий прожил долгую жизнь и сразу понял: раз уж сам доверенный слуга государя выступает в роли безмолвного провожатого, а гость держится с царственным величием, перед ним не кто иной, как Сын Неба. Однако подавать виду и расспрашивать не следовало. Старик низко поклонился и молча повёл гостей к дальнему саду.

— Молодой господин изволит в одиночестве любоваться цветением мэйхуа, — негромко доложил управляющий у ворот сада. — Нам приказано не тревожить его без нужды. Прошу вас, проходите.

Ван Юаньчэнь кивнул, опустил в руку старика серебряную монету и замер позади своего повелителя. Молодой император подошёл к сквозному резному окну в садовой стене и заглянул внутрь. Там, спиной к нему, укутавшись в тёплый халат, неподвижно сидел Фу Исянь.

— Владыка десяти тысяч лет, — едва слышно прошелестел евнух. — Не желаете войти?

Да, под капюшоном скрывался сам Чун И.

Исянь и помыслить не мог, что император снова решится тайно покинуть дворец ради него. После того памятного осеннего разговора в Зале Резонирующей Гармонии Исянь сказался больным и не показывался при дворе. Его скромный чин бакалавра-чтеца четвёртого ранга не требовал обязательного присутствия на заседаниях Совета, так что государственные заботы обходились без его участия. Государь не раз присылал к нему лучших придворных лекарей, но против тоски, терзавшей душу, медицинские снадобья были бессильны. Так незаметно пролетело три месяца — три месяца без единой встречи.

Нынешняя ночь выдалась на редкость ясной. Серебряный свет заливал ухоженный сад, где в морозном воздухе плыл густой, дурманивший аромат цветущей мэйхуа. Исянь надеялся, что красота зимней природы поможет ему обрести покой, но холодное сияние луны лишь усугубляло тоску, вновь и вновь возвращая мысли к Чун И.

«Императорское бракосочетание — благословение для всей Поднебесной. Фу Исянь, опомнись! Ты взрослый мужчина, муж, так к чему эти девичьи слезы и вздохи? Пора признать очевидное: в подлунном мире никто никому не клянётся в вечной верности. Между нами пролегла пропасть — долг государя и преданность слуги. Он лишь недавно взошёл на престол, его путь усеян острыми шипами, и моя обязанность — делить с ним невзгоды, оберегать от ударов в спину. А когда придёт день и он перестанет нуждаться во мне, я просто уйду. Скроюсь в глухих лесах, у чистых источников, подальше от мирской суеты. Я останусь верен нашей клятве делить всё до конца, даже если от моего сердца останутся лишь жалкие осколки. Видно, такова моя судьба».

Он пытался убедить себя в правильности этих мыслей, но от этих доводов разум лишь сильнее погружался в уныние, а на душе становилось горько и пусто.

Свои чувства к юному правителю Исянь сознавал со всей отчётливостью, но его сдержанный, склонный к уединению нрав не позволял облечь их в слова. Год за годом привязанность Чун И крепла, перерастая в глубокую, почти болезненную зависимость. Император, будучи человеком гордым и непреклонным, тоже избегал пылких признаний, однако ему давно уже стало мало редких встреч и неторопливых бесед. Всё чаще он искал телесной близости, властно притягивая Исяня к себе и сжимая в жарких объятиях.

В тот день в Зале Резонирующей Гармонии Исянь вдруг отчётливо осознал то, о чём малодушно старался не думать: Чун И скоро минет восемнадцать. По законам предков пришло время назвать имя будущей хозяйки Внутренних покоев. Более того, лишь после женитьбы государь получал право полноправно и единолично править страной. Свадьба была делом государственной важности, неизбежным и неотвратимым шагом.

Исянь вздохнул и залпом осушил кубок. Сладковатый аромат распустившихся бутонов показался ему смутно знакомым. В воздухе повеяло тонкой смесью мускуса и орхидеи, и перед глазами невольно возник образ Чун Дая.

В бледном свете луны Исянь медленно раскрыл Веер Мускуса и Орхидеи, подаренный когда-то Чун Даем. Этот веер был искусно вырезан из драгоценного сандала, который ещё до обработки долго коптели над благовониями, отчего дерево утратило собственный запах, насквозь

пропитавшись ароматом мускуса и орхидей. На веере красовалась надпись: «Тысячи ли бурных рек устремлены к далёким горам». Исянь долго всматривался в эти изящные иероглифы, в которых скрывалось его собственное имя, и мысли его унеслись к тому вечеру, когда они сидели в ресторане «Взлёт Процветания». Тогда слова Чун Дая казались ему лишь пустой забавой, но теперь они отзывались в сердце глубокой грустью.

«Будь сейчас Цзыхоу рядом, он наверняка сурово отчитал бы меня за малодушие. Раньше я был слеп и не замечал его чувств. Я виноват перед ним, безмерно виноват, но такова судьба — нам не суждено быть вместе. После нашей разлуки у ворот Воинственного Превосходства от него не было ни весточки. Как он там, на заставе Медной Горы? Всё ли с ним в порядке?»

Резкий порыв ветра заставил Исяня плотнее запахнуть тёплый халат. В этот миг на его плечо плавно опустился крошечный жёлтый лепесток дикой сливы, принесённый с собой тонкий, едва уловимый аромат. Исянь грустно улыбнулся.

«Вся эта мирская слава, чины и богатство — лишь пустой призрак, мимолётный туман. Разве сравнятся они со свежестью одного-единственного цветка или кубком простого вина? Из-за любви к Чун И я позволил опутать себя невидимыми цепями долга и суеты. Моё тело лишилось покоя, а разум оказался в тесной клетке, откуда уже нет возврата».

Он сделал ещё один глоток, позволяя лепестку упасть на дно кубка, и нараспев, в полный голос, прочитал:

— Один в саду под бледною луной

Пью горькое вино в тени ветвей.

В пустом величии династий строй,

Но нет родной души среди людей.

Пусть персик нежный рвётся к небесам,

Тщеславным блеском озаряя дол —

Я чистоты своей не предаю,

Забыв про суету и пышный стол.

И вдруг из морозной темноты за его спиной раздался знакомый, чуть хриловатый голос, подхвативший рифму:

— Сквозь зимний холод, сквозь мороз и снег

Ты расцветаешь первой, всех нежней.

Твой гордый дух не прекратит свой бег,

Достойный залов царственных семей.

<http://bllate.org/book/19874/2038825>